

УДК 821.161.1
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-157-168

Конфликт поколений в русской литературе второй половины 1850-х годов

А. А. Пономарева

*Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена исследованию конфликта поколений в русской литературе второй половины 1850-х гг. Материалом послужили произведения, опубликованные в «толстых» журналах (преимущественно в «Русском вестнике» и «Отечественных записках»). В статье проанализировано два варианта конфликта: прадеды / деды – внуки и отцы – дети. Изучены характерология и сюжетные функции персонажей, между которыми происходит столкновение, а также структурно-семантическая организация обусловленных ими сюжетов. В исследовании показано, что во второй половине 1850-х гг. оба варианта сюжета так или иначе связаны с крестьянской реформой. В литературе и критике развивается общая для того времени тема ожидания «нового» человека, способного реализовать широко обсуждаемые демократические теории преобразования помещичье-крестьянских отношений. Писатели и критики делают акцент на тех чертах, которые отличают нового героя от людей прошлого – прадедов / дедов / отцов. Между тем задача переустройства общественного порядка оказывается не под силу «человеку 1850-х гг.». Выражая свою преданность демократическому делу, он, тем не менее, не отказывается от всех дворянских привилегий, в результате чего сгенерированные в русле злободневных идей сюжетные ходы оказываются «нерабочими».

Ключевые слова

1850-е гг., беллетристика, конфликт поколений, тема отцов и детей, крестьянская реформа, идеологический комплекс

Для цитирования

Пономарева А. А. Конфликт поколений в русской литературе второй половины 1850-х годов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 157–168. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-157-168

The Generation Gap in Russian Literature of the Second Part of 1850s

A. A. Ponomareva

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper analyzes the generation gap in the Russian literature of the second part of 1850s. Our research is based on works published in magazines: short stories, novelettes, and novels by L. N. Tolstoy, E. P. Novikov, P. I. Melnikov-Pecherskii, S. T. Slavutinskii, S. A. Ladyzhenskii, N. M. Pavlov, etc.

The generation gap in Russian literature of the second part of 1850s hasn't yet been made an object of special research. It is traditionally touched upon in relation to the novel *Fathers and Sons* (1862) by I. S. Turgenev and fiction 'generated' by this novel. However, variants of 1850s and of 1860s differ from each other in significant ways: this variants linked by various ideas, heroes, plots and other.

The paper features two variants of the generation gap formed in the Russian literature of the second part of 1850s: great-grandfather / grandfather versus children, fathers versus children. The paper contains a detailed analysis of

© А. А. Пономарева, 2019

characterology and plot functions of protagonists that collide with each other, as well as structural-semantic plot organization.

First generation gap formed in the middle of 1850s. Short stories, novelettes, and novels have similar plot-composition structures: a story from the distant Russian past forms the plot core; as a rule, events take place in the 18th century (the so-called grandfather's time); most often, the story is told by a servant of an old lord or is written down after his words; the audience of the story is meant to be from the middle of the 19th century; in some cases, he is also the narrator, a young man who compares generation values of the 18th and 19th centuries.

The paper asserts that, in spite of the fact that events take place in the past, the generation are identified through the turn towards social processes of the second half of the 1850s, particularly the emancipation reform. Literature and criticism emphasize the arrival of the new educated follower of democratic reforms instead of the hot-tempered landowner of the old type.

The type of the educated landowner gained prominence in 1850–1860s during the active discussion of the emancipation reform. The main narrative function of such protagonists is to prove the effectiveness of democratic theories in practice. At the core of the plot there is the conflict with the generation of fathers, the opponents of reform. We propose that the generation of children, as well as the generation of fathers, is needy: in spite of their education, the young men are shown to be petty and unable to act upon their words or understand the peasant way of life. The protagonists explain their lack of success by other reasons: the new generation was too hasty in their actions.

In conclusion, we maintain that Russian literature reflects an important social process of second part of 1850s, namely the anticipation of a 'new' man able to act upon popular democratic theories. This type formed ex adverso: writers and critics show a kind of behavior that differs from that of great-grandfathers, grandfathers, or fathers. However, the problem of rearrangement of the social system is beyond the abilities of the 'fifties' protagonist'. Much as he differs from his ancestors, he remains their descendant. A demonstrative devotion to democratic theories does not negate his aristocratic privileges. As a result, the plot turns stemming from popular ideas do not work as expected in the end.

Keywords

1850s, fiction, the generation gap, theme of fathers and children, emancipation reform, ideological complex

For citation

Ponomareva A. A. The Generation Gap in Russian Literature of the Second Part of 1850s. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 157–168. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-157-168

С 1850-ми гг. в истории русской литературы связан любопытный парадокс: на протяжении долгого времени этот литературный период не выделялся как самостоятельный и своеобразный, назывался «пустым местом», временем, которое не имеет собственной «физиономии»¹; между тем для самих «пятидесятников»² вопрос самоидентификации был одним из основных, они всячески старались подчеркнуть свою оригинальность на фоне предшествующих поколений³. Особенно остро этот вопрос стал звучать с середины 1850-х гг., когда произошел своего рода слом эпохи. Б. Ф. Егоров отмечает: «Еще не закончилась Крымская война, еще не начались споры об освобождении крестьян, но вся Россия чувствовала, что со смертью Николая I завершилась большая и страшная эпоха, что больше так жить невозможно» [1982. С. 76]. Литература отреагировала на эту тенденцию. В периодических изданиях стали регулярно появляться произведения, в которых изображался конфликт «старого» и «нового» поколений. Ему посвящена наша статья.

Интересующая нас тема мало исследована в литературоведении. Традиционно конфликт поколений рассматривается на материале романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (1862) и «порожденной» им беллетристики. Однако варианты конфликта 1850-х и 1860-х гг. существенно отличаются друг от друга: они связаны с различным кругом идей, героями, сюжетами и т. д.

Цель статьи – выявить и проанализировать варианты конфликта поколений, сформировавшиеся в русской литературе второй половины 1850-х гг. В этом контексте подробно ис-

¹ Приведенное заключение о 1850-х годах принадлежит писателю Е. А. Соловьеву. Цит. по: [Проскурина, 2013. С. 167].

² Понятие «пятидесятники» было введено П. Д. Боборыкиным [1902. С. 20].

³ Подробнее об истории изучения литературного процесса 1850-х гг. см.: [Проскурина, 1984; Пономарева, 2017].

следованы характерология и сюжетные функции персонажей, между которыми происходит столкновение, а также структура и семантика связанных с ними сюжетов.

Материалом послужили повести Е. П. Новикова (псевд. Е. Данковский) «Поездка в деревню» («Отечественные записки», 1855, т. 100), П. И. Мельникова-Печерского (псевд. А. Печерский) «Старые годы» («Русский вестник», 1857, т. 10), С. Т. Славутинского (псевд. С-кий) «История моего деда» («Русский вестник», 1858, т. 14), рассказ И. А. Салова «Забытая усадьба» («Русский вестник», 1858, т. 14), повести С. Д. Хвоцинской (псевд. Ив. Весеньев) «Сельцо Лысково» («Отечественные записки», 1859, т. 124), С. А. Ладыженского (псевд. Булкин) «Век нынешний и век минувший» («Русский вестник», 1860, т. 26), Н. М. Павлова (псевд. А. Бицын) «Конец впереди» («Русский вестник», 1860, т. 30) и др.

В литературе рассматриваемого времени чаще всего акцент ставится не на сходстве между поколениями, а на отличиях, которые сильнее подчеркивают произошедший слом эпохи. Можно выделить две основные поколенческие оппозиции: прадеды / деды – внуки; отцы – дети.

Первая поколенческая оппозиция формируется раньше других – в середине 1850-х гг. Повести, в которых она представлена, имеют сходную сюжетно-композиционную организацию: ядро сюжета составляет история из старых русских времен – как правило, события разворачиваются в XVIII в., во времена прадедов / дедов; чаще всего эта история рассказывается старым баринем или записывается с его слов слугой (псарем / камердинером и др.); слушателем / читателем истории оказывается представитель поколения середины XIX в., в некоторых случаях он выступает в роли рассказчика; молодой человек сравнивает ценности поколений XVIII и XIX вв. История из старых русских времен представляется в двух модальностях: сатирической и элегической.

Наиболее репрезентативный пример первого направления – повесть П. И. Мельникова-Печерского «Старые годы». Сюжет повести составляет ряд страшных картин, в которых раскрывается избалованность, дикость нрава и ограниченность ума старого русского барина. В повести подчеркивается разрыв между поколениями XVIII и XIX вв. Они противопоставляются по ряду оснований: непросвещенность / просвещенность, презрение к законности / уважение закона, развращенность / нравственность. Рассказчик – представитель поколения середины XIX в. – приходит к убеждению, что старая эпоха не может восхищать современных людей: «Нет, чтобы ни говорили любители старины, как бы ни величали они времена мимошедшие, а как всмотришься поглубже в эту пресловутую старину, да как взглядишься попристальнее в жизнь наших прадедов – нелицемерную воздашь хвалу Господу, что не сулил нам родиться полтора года тому назад и сотворил русскими людьми XIX столетия. Прошли, миновались беспутные старые годы! Благодаря Бога они и не воротятся <...> Прошла пора дикого самоуправства, тупого презрения к народу, безверия, смешанная с ханжеством и боязнью черта, надменного высокомерия, <...> переходившего в подлость и унижение» (Печерский, 1856. С. 53–54).

Если в повести акцентируется разрыв между поколениями XVIII и XIX вв., то в критических статьях о ней, напротив, обращается внимание на преемственность между ними. К примеру, критик «Библиотеки для чтения» отмечает, что события, представленные беллетристом, «печальны не как воспоминание о давно и невозвратно прошедшей поре заблуждений и испытаний, плод которых – богатое разумом и опытом настоящее, а как воспоминание о ранах, еще не совсем заживших и сопровождающихся болезнью, которая требует долгого и упорного лечения <...>» (И. Л., 1857. С. 20). Далее критик замечает, что при всем видимом противоречии эпох между ними есть «еще родственная, во всем проглядывающая и отзывающаяся связь» (Там же).

Разрабатывая новую злободневную проблематику, беллетристы ориентируются на широко обсуждаемые в это время произведения, в которых также изображаются картины старой русской жизни: на роман А. С. Пушкина «Дубровский» и «Семейную хронику» С. Т. Аксакова.

Вторичность повести П. И. Мельникова-Печерского отмечалась уже литературными критиками. Критик «Библиотеки для чтения», высоко оценивший повесть, все же обратил внимание на то, что в изображении картин старой русской жизни и помещика-самодура мало нового: «Это быт и личность Ивана Грозного в малом виде – с ограничениями и видоизменениями, которые отделяют быт царя и великого ума от быта важного барина с обыкновенным умом, при одинаковых наклонностях и пороках <...>. Эта сторона нашей народности была столько уже раз воспроизводима и вовсе недалеко от нас» (И. Л., 1857. С. 25).

Е. Н. Эдельсон, включивший П. И. Мельникова-Печерского в ряд подражателей М. Е. Салтыкова-Щедрина, негативно оценил вторичность повести. По его мнению, беллетрист «группировал собранные им анекдоты около образа, смешанного из двух типов: старика Багрова и Куролесова из “Семейной хроники”, несколько изменив их сообразно анекдотам, находившимся в его распоряжении, и собственному своему взгляду на дело» (Эдельсон, 1859. С. 365).

В ряд литературных источников повести также можно добавить «Дубровского», из которого взят эпиграф. Отдельные сюжетные ситуации аллегорично связаны с сюжетной линией Троекурова, точнее предысторией, в которой рассказывается о его быте. Отсылки именно к этому фрагменту романа закономерны: в нем представляется «каталог» событий, с точки зрения литераторов середины XIX в. наиболее характерных для старой русской жизни. Среди отличительных черт быта Троекурова отмечается, что его дом всегда был полон гостей, готовых тешить барскую праздность. В повести «Старые годы» подробно представляются шумные и буйные увеселения героя в дружеском кругу. В главе «Ярмарка» подробно описан праздник, который он устраивает для всех приехавших – от приказных и торговых людей до «больших господ». В повествовании подчеркивается, что для него не существует других законов, кроме своей прихоти: по его распоряжению за домом ставятся столы, выкатываются бочки, «музыка, песни, пальба, день-деньской стоном стоят» (Печерский, 1856. С. 74), со всей волости «нагоняются» бабы и девки. Еще одна характерная черта быта Троекурова, сформулированная в романе перифрастически, также подробно описывается в повести: связь с крепостными женщинами. Центральное событие главы «Именины» – это домашний спектакль, который показывают крепостные актеры в честь праздника. Участвовавшие в нем женщины вечером становятся любовницами помещика и его гостей.

Если сюжетные ситуации повести П. И. Мельникова-Печерского только аллегорично связаны с романом «Дубровский», то сюжет повести С. Т. Славутинского «История моего деда» можно рассматривать в аспекте структурного цитирования⁴. Представитель молодого поколения, пересказывающий историю о старых временах (о тяжбе деда с состоятельным соседом), отмечает ее сходство с литературной: «История моего деда, отца моей матери, несколько похожа на повесть Пушкина *Дубровский*. Для более резкого сходства не достает в ней такого лица, каков сын Дубровского; был сын и у деда, только не является он мстителем за отца, да и человек он совсем других свойств <...>» (Славутинский, 1858. С. 65).

Как и в пушкинском романе, в повести «История моего деда» сюжет открывается развернутой экспозицией, в которой описываются характеры соседей-помещиков. Однако в рассматриваемом случае подчеркивается, что соседи, которые на первый взгляд кажутся друзьями, в действительности враги, на время заключившие перемирие. Герой повести, сопоставимый с Дубровским, несмотря на свою бедность, сумел сохранить собственное достоинство: смог так «поставить себя в глазах князя, что ему ни в каком случае не приходилось своевольничать» (Там же. С. 73).

Рассматриваемый сюжет, по сравнению с сюжетом «Дубровского», расширяется: в него вводятся события, подготавливающие роковую ссору помещиков. Характерно, что это расширение происходит за счет актуализации некоторых сюжетных элементов романа А. С. Пушкина. В частности, беллетрист переносит в начало, предвещающее ссору, фрагмент «Дубровско-

⁴ Пушкинские реминисценции в повести «История моего деда» рассмотрены И. Ю. Жаровой [2016].

го», в котором описывается вторжение людей богатого помещика во владения соседа. В рассматриваемом сюжете разворачивается намеченная в романе метафора *ссора – война*. Вторжение цыган и расправа над ними представляется здесь как военное сражение: «Опрометью кинулся опять дед мой с своим маленьким отрядом догонять дерзких цыган; но они, видимо, достигали уже места, где могли укрыться под надежную защиту <...> Нельзя было перехватить цыган, и дед мой воинственно скомандовал своему отряду пустить несколько зарядов вдогонку скакавшим без памяти грабителям <...> некоторые выстрелы, видно, были довольно удачны, потому что вслед за ними раздалось из толпы преследуемых несколько болезненных стонов» (Славутинский, 1858. С. 82).

Также расширение заимствованного сюжета происходит за счет введения событий, предсказывающих роковую ссору. Отдельные эпизоды посвящены описанию встреч героя с юродивым, пожару в церкви и смерти священника.

Центральное событие сюжета повести, как и в первом томе «Дубровского», – ссора помещиков. Герои также ссорятся из-за слуги-псаря: вернувшись с охоты, князь узнает о том, что его любимая собака умерла, в порыве гнева он наказывает провинившегося в присутствии гостей; сосед, став свидетелем происшествия, выказывает свое недовольство хозяином. Характерно, что в эпизоде обнаруживается скрытая цитата из пушкинского романа: «Князь был страстно предан охоте; собакам его житье было гораздо лучше, чем приживальцам и даже любимым холопам» (Там же. С. 86).

Подчеркнув, что герои – непримиримые враги, беллетрист вводит точную мотивировку тяжбы, последовавшей за ссорой: князь желает разорить противника и таким образом отомстить ему. Заимствованная из романа часть сюжета, следующая за ссорой, также расширяется. Расширение сюжета происходит путем редупликации пушкинского эпизода: богатый помещик обращается к чиновнику и с его помощью отсуживает поместье героя. В повести представлено, как князь незаконно овладевает имуществом соседа, а тот пытается отстоять свои права. Финал сюжетной линии героя тот же, что и у Дубровского: он заболевает и умирает.

Таким образом, тяжба соседей-помещиков оказывается событием того же порядка, что и охота, буйные увеселения на деревенских пирах и т. д., представляется оригинальной чертой старой русской жизни, которую, по словам рассказчика, «почти заслонили внешние исторические события» (Там же. С. 65). Картины прошлого получают ту же негативную оценку, что и в повести П. И. Мельникова-Печерского. В центре описания также оказываются предрассудки, произвол, злоупотребления личной властью, неуважение человеческого достоинства и несоблюдение долга честного гражданина⁵. Однако, по сравнению со своим современником, С. Т. Славутинский мало прорабатывает рассматриваемую поколенческую оппозицию. Его внимание концентрируется на занимательной стороне истории из старых русских времен.

Сатирическое изображение прошлого по-разному воспринималось критиками. Особенно хорошо это заметно в журнальных откликах на повесть П. И. Мельникова-Печерского «Старые годы»⁶. Например, Е. Н. Эдельсон отмечал, что в представленной картине нет «ничего человеческого», от нее веет «безжалостным мертвым холодом» (Эдельсон, 1859. С. 353–354). Анонимный критик «Библиотеки для чтения», напротив, указал на историческую достоверность изображенного: по его мнению, персонажи повести являются «историческими образцами», которые «прекрасно характеризуют быт эпохи» (И. Л., 1857. С. 24). Аналогично о повести отозвался Н. А. Некрасов. По его замечанию, беллетристу удалось с «небывалой

⁵ «Еще тогда в России необоримо сильны были предания, предрассудки, произвол, злоупотребления, во всем обходявшие закон; еще слаба, даже совершенно ничтожна была вера даже и старших представителей общества в собственное достоинство, в призвание человека, в долг честного гражданина» (Славутинский, 1858. С. 94).

⁶ Критическая рецепция повести подробно рассмотрена Е. В. Переваловой [2010].

смелостью» изобразить «крупного русского барина во всей ширине и безобразии старой русской жизни»⁷.

Картина старых русских времен, представленная в элегической модальности, другая. В данном случае нам встретилось только одно произведение, связанное с рассматриваемой темой, – рассказ И. А. Салова «Забывтая усадьба». Его основу составляет сюжет *оскудения родового поместья*. Один из ядерных мотивов в нем – воскрешение счастливого прошлого через воспоминание. Старый камердинер с любовью и восхищением рассказывает молодому человеку, по всей видимости, соседу, о быте своего умершего барина: об охоте, пирах, взаимоотношениях с приживальщиками и т. д. В отличие от повестей «Старые годы» и «История моего деда» здесь в центре внимания оказываются не страшные картины прошлого, а эмоционально-психологическое состояние покинутого всеми камердинера. Слушатель обращает внимание на то, что рассказчик, переживая счастливые моменты прошлого (деревенский бал, Пасху и др.), вновь оживает.

В рассматриваемом сюжете конец старой эпохи представляется на фоне разрушения усадьбы. Молодой человек, ежедневно посещающий ее, отмечает, что это пространство уже лишено жизни. За всем, что он видит, проступает прошлое: «Я любил бродить по двору и по саду, и странное дело, почти каждый раз невольно переносился в то время, когда среди всех этих развалин еще кипела жизнь. Впрочем, иначе оно и не могло быть, потому что все, на что бы только не упал мой взор, говорило не о настоящем, а о прошедшем. И мне стоило только закрыть глаза, как передо мною являлись вдруг целая толпа мужчин и дам в фижмах, громадных чепцах и мушках; я начинал уже слышать какие-то странные звуки и видел, как вся эта разряженная толпа перемешивалась и грациозно пускалась танцевать <...> Я открывал глаза и снова вокруг меня темный сад с гнилыми беседками, тихо о чем-то шепчущий, и снова большой дом с перебитыми окнами и облупленными стенами» (Салов, 1858. С. 134).

Смерть слуги, последнего представителя старых времен, приводит к разрушению барской усадьбы: молодой человек замечает, что на ее месте «остался только один сад с полуразрушенными статуями и беседками, обнесенный плетнем, заросшим крапивой и лопухом» (Там же. С. 146). С молодым поколением в рассматриваемой повести связан мотив выгодного преобразования старого. В эпилоге отмечено, что новый управляющий наследника находит хозяйственное применение руинам: он ломает дом и из кирпича выстраивает ригу.

Таким образом, в произведениях, в которых происходит сопоставление поколений прадедов / дедов и внуков, акцент делается преимущественно на их ценностных различиях, которые прямо связываются со степенью образованности. Причем, несмотря на то что все события разворачиваются в прошлом, идентификация поколений происходит также за счет их «поворота» к общественным процессам второй половины 1850-х гг., в частности крестьянской реформе. В беллетристике и литературной критике подчеркивается, что на смену дикому, вспылчивому, ограниченному помещику старых времен приходит новый. Его отличительные свойства наиболее полно сформулированы Н. А. Добролюбовым: «Ныне уже редки помещики, которые живут одними только трудами своих крестьян и сами ничего не делают; ныне дворяне считают своей обязанностью служить или вне службы иметь какие-нибудь полезные занятия. С течением времени все большее и большее количество дворян начинает заводить у себя улучшения по сельскому хозяйству, принимать участие в промышленных и торговых предприятиях и т. п. Редкий помещик, живущий в деревне, в наше время не выписывает журналов и хороших книг... Следовательно, у них есть куда девать свое время не без пользы и, кроме того, есть сознание необходимости трудиться самому и при помощи просвещающего влияния новых книг, есть уважение к человеческому достоинству и в лице крестьянина. С переменою крепостных отношений исчезнет, без всякого сомнения, и последняя возможность таких явлений, какие бывали в помещичьем быту в старину <...>»⁸.

⁷ Цит. по: [Первалова, 2010. С. 118].

⁸ Добролюбов Н. А. Деревенская жизнь помещика в старые годы. URL: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0520.shtml (дата обращения 15.07.2018).

Тип образованного помещика получил особое распространение в беллетристике на рубеже 1850–1860-х гг., во время бурного обсуждения крестьянской реформы. Основная сюжетная функция героя этого типа – доказать на деле эффективность демократических теорий. Ядро сюжетов составляет столкновение такого героя с поколением отцов, противниками любого рода преобразований.

Чаще всего герой, принадлежащий к поколению отцов, – праздный помещик, мало занимающийся хозяйством. В повести С. А. Ладыженского «Век нынешний и век минувший» цель его жизни определяется таким образом: «...жить в свое удовольствие и дорожить только одним – сохранением хороших отношений и дружбы» (Ладыженский, 1860. С. 272). Все свободное время помещик сидит возле окна с трубкой и задает вопросы проходящим под окнами дворовым людям. Его друзья-соседи мало от него отличаются: один из них целыми днями спит и не вмешивается в хозяйство, которым управляет преимущественно жена; другой – молодой старик – находится в постоянных разъездах, передавая сплетни знакомым. Познакомившись с бытом старого поколения, молодой человек, приехавший из столицы, разочарованно замечает, что все вокруг покрыто грязью, «слоем тука», «наведено ленью и невежеством».

На фоне праздных отцов ярко проявляется деятельность и практичность детей. В некоторых случаях подчеркивается, что они лучше понимают практическую сторону жизни. С этой точки зрения характерно заключение героя повести С. Д. Хвоцинской «Сельцо Лысково». Говоря о недостатках стариков, молодой человек замечает, что он, несмотря на несущественную разницу в возрасте со своим отцом («между мною и отцом всего двадцать пять лет разницы, не Бог знает что»), научился понимать, что «жизнь – вещь сложная и трудная, что надо к ней готовиться» (Хвоцинская, 1859. С. 19).

Другой тип старого помещика представлен в повести «Сельцо Лысково». Вдова Карпова необразованна, резка в обращении с окружающими, не понимает человеческого достоинства, «не развивает его в мужике», но при этом «отличная женщина, насколько это возможно при ее воспитании», как замечает один из персонажей: «Крестьяне довольны, богаты, не стеснены; она сама живет их бытом; ее доход не взимается в ущерб работникам. В материальном отношении лучшей хозяйкой быть нельзя» (Там же. С. 44). Заметим, что такой тип старого помещика не распространен в беллетристике второй половины 1850-х гг.

В повестях, представляющих конфликт отцов и детей, подчеркивается несостоятельность не только старшего, но и младшего поколения. Герой «Сельца Лысково» обладает «мелким» характером: корыстные поступки он пытается объяснить популярными демократическими теориями. Свою тягбу с вдовой Карповой молодой человек представляет подвигом, который ему нужно совершить во благо общества: став помещиком, он сможет показать пример правильного управления хозяйством и усовершенствовать свое образование (съездить за границу, прослушать курсы у известных профессоров). Однако в действительности причины тягбы иные: герой хочет получить дополнительный доход, который позволит ему упрочить положение.

В повести «Сельцо Лысково» несостоятельность героя становится более очевидной благодаря введению в сюжет еще одного представителя молодого поколения, обладающего положительными чертами характера. Младший брат, в отличие от старшего, настаивает на том, что нельзя «кормиться в виде паразитов» и что необходимо «самому зарабатывать себе кусок хлеба и приобретать научные познания» (А. Я. Панаева)⁹. Осуждая желание старшего брата забрать поместье у вдовы, он отказывается от доли и посвящает себя образованию и честному труду (ходит по «кондициям»). Однако нужно отметить, что его роль в конфликте поколений остается не вполне ясной.

⁹ Герой – характерный представитель нарождающегося нового поколения рубежа 1850–1860-х гг. О молодежи, которая проявит себя в начале 1860-х гг., довольно подробно пишет А. Я. Панаева в своих «Воспоминаниях» [1956].

Герой повести Е. П. Новикова «Поездка в деревню», наследник большого состояния, обладает болезненным самолюбием: он обижается на то, что на станции для него быстро не находятся лошади, что попутчик принимает его за москвича, а не петербуржца. Приехав в деревню с целью познакомиться со старым порядком ведения хозяйства и по возможности изменить его, он с нетерпением ожидает, как крестьяне будут кланяться ему и целовать руку.

В характеристике героя повести С. А. Ладыженского «Век нынешний и век минувший» подчеркивается, что он легко увлекается разными идеями в зависимости от окружения и быстро «перегорает». В результате его слова никогда не становятся делом. Такая черта, как непостоянство взглядов, отмечается в характеристике и других представителей молодого поколения – друзей героя, молодых супругов, приехавших из города в деревню заниматься хозяйством. В основе их сюжетной линии лежит схема, сформировавшаяся в середине XIX в. под влиянием романа Ж. Санд «Жак» и повести А. В. Дружинина «Полинька Сакс»: мужчина с демократическими взглядами женится на поверхностно образованной девушке; после свадьбы он берется за ее перевоспитание и делает из нее «союзницу». Их совместная жизнь изображена в ироническом свете: «Не было эксцентричностей, не было странностей, которых бы юная чета не предпринимала. То скакали они за границу изучать воспитание детей, когда Софья Александровна готовилась быть матерью; то запирались они в Петербурге или Москве, никого не видали и ничего не слышали, возясь с родившимся чадом; то, следуя новым системам воспитания, не говорили они с ребенком и запрещали всем с ним говорить; то кормили его хлебом, то хлеба не давали <...>; то удалялись они совершенно от общества, находя его безнравственным, то кидались в него сломя голову, боясь застоя и отсталости» (Ладыженский, 1860. С. 305–306).

Приезд в деревню и желание заниматься хозяйством представляется как очередная эксцентричность и странность молодой семьи, то, что будет брошено, как только появится новая идея.

Основная причина столкновения поколений отцов и детей – принципы управления хозяйством и предстоящая крестьянская реформа. Наиболее ярко взаимное непонимание представляется в повести «Век нынешний и век минувший». Николай Иванович, как и все помещики в уезде, с «грустью, смешанной со страхом», ожидает предстоящих изменений. С точки зрения старшего поколения, реформа «разрушит» их мир. Предпосылки этого они замечают уже в настоящем, в том, каким образом меняется их повседневная жизнь: «... тот из самого смиренного и тихого сделался жесточайшим спорщиком; кто, век ничего не читавший и ни о чем, делающемся вне своего уезда, не знавший, – кричал теперь о каких-то *красных*, тот при разговорах ходил запирать все двери; этот, напротив, никогда прежде ни с одним из своих людей не говоривший, теперь с каждым заговаривал и выпытывал, что всякий думает; все перетрусили до того, что перестали заниматься хозяйством» (Там же. С. 274).

Сын Николая Ивановича, напротив, встречает новость об отмене крепостного права с большим воодушевлением. По его мнению, мир начинает воскресать: «Пришел давно ожидаемый конец этой безобразной системе, этой барщине! Как прояснились, я думаю, лица у мужичков? Как светло озарил их, я думаю, луч надежды?» (Там же. С. 276).

Во всех сюжетах представляется переустройство хозяйства на новый лад. Наиболее точно задачи молодого помещика сформулированы в повести С. Д. Хвоцинской «Сельцо Лысково»: «... самый лучший помещик, конечно, тот, который выполняет ее (обязанность. – А. П.) всю: богатеет ли сам, богатеют с ним и крестьяне наравне; тот, который обращается с ними как с равными себе, учит их, входит в их душевные нужды... Устроить вокруг себя нравственное и материальное довольство – вот задача помещика...» (Хвоцинская, 1859. С. 44).

Однако в повести С. Д. Хвоцинской на первый план выдвигается мотив преобразования ради выгоды. Герой, «сообразно с современными воззрениями», планирует превратить село в доходную ферму.

Основной мотив, связанный с переустройством хозяйства, – тотальное разрушение старого. Так, герой повести «Сельцо Лысково» признается, что первое, с чего нужно начать, –

«ломать, ломать и ломать». Все, что он видит в селе, его не удовлетворяет: «старое барское хозяйство – тьма крошечная: в ней не скоро разберешься. <...> Для этих деревенских сидней, кажется, ничто в мире не движется вперед. Про них книги не писаны» (Хвоцинская, 1859. С. 49). В повести «Век нынешний и век минувший» молодые люди также призывают «вырвать с корнем» старое, «бросить <...> без оглядки, без сожаления и создать во что бы то ни стало новое» (Ладыженский, 1860. С. 305–306). Главное, по их мнению, – следить за тем, чтобы старая «закваска <...> не зашла в поколение новое...» (Там же. С. 392).

Переустройство хозяйства на новый лад начинается не сразу: герои приглядываются к крестьянскому быту, в некоторых случаях подробнее знакомятся со старыми принципами хозяйствования. В повести «Поездка в деревню» этот элемент сюжета редуцирован: герой решает инкогнито погулять по деревне, для того чтобы выяснить, как живут крестьяне. Для этого он представляется заблудившимся рабочим. Однако ему не удастся собрать полезных сведений: его быстро разоблачают. В повестях Л. Н. Толстого «Утро помещика», Н. М. Павлова «Конец впереди» и С. А. Ладыженского «Век нынешний и век минувший», напротив, этот элемент сюжета представлен довольно подробно. Основное, на чем ставится акцент, – непонимание молодым человеком крестьян: их быта, языка и пр. Особенно ярко это изображено в повести Л. Н. Толстого: каждая встреча Нехлюдова с крепостными обнаруживает разрыв между его теоретическими знаниями и действительностью. Другой вариант «погружения» в помещичье-крестьянский быт представлен в повести «Конец впереди». Искренне желая разобраться в хозяйстве, герой совершает не обход крестьян, как Нехлюдов, а ряд поездок по соседям, думая, что те смогут дать ему дельные советы. Однако он встречается только с отрицательными типами помещиков: старым ипохондриком, который живет не для себя и не для других, как замечает молодой человек; молодым стариком, который не вмешивается в управление хозяйством; помещиком, который жестко обходится с крестьянами и др.

Попытки переустроить хозяйство всегда оказываются неудачными. Обязательным следствием нововведений является отпуск старого слуги на волю / отказ от услуг старого управляющего, старосты. Однако этот гуманный жест всегда приводит к драматическим или трагическим результатам: смерти старосты («Поездка в деревню»), уходу старого слуги из родного села («Сельцо Лысково»), ссоре отца и сына («Век нынешний и век минувший»). Ярче всего разрыв между демократической теорией и практикой переустройства хозяйства представляется в повести «Сельцо Лысково». В ней с иронией рассказывается о том добре, которое совершает молодой помещик крестьянам: «Оно выказалось торжественно, разом исправило полувековое непонимание человеческого достоинства. Брезжин позвал камердинера г-жи Карповой <...> и объявил ему, что он вольный и может выбирать себе какое угодно место жительства, кроме Лыскова. В грозных терминах выразился молодой человек против гнусной неблагодарности помещицы, не оценившей ни многолетнего труда, ни заслуги... Но есть же тупые головы, не понимающие благоденствий! Глупый старик ушел от барина на кухню и завыл, причитая, что теперь ему остается только идти по миру» (Хвоцинская, 1859. С. 68).

Изменение оценочного компонента в изображении крестьян (глупы не крестьяне, а молодой помещик) становится отличительной чертой рассматриваемых сюжетов. Причем в беллетристике подчеркивается «антिलитературность» данных описаний (т. е. несоответствие сформировавшейся в литературе тенденции). Репрезентативный пример – повесть Н. М. Павлова «Конец впереди». В ней прямо указывается, что помещичье-крестьянские отношения изображены по-новому: «...на тысячу ладов потянулась одна и та же история непонимания друг друга; а вместе завязались те же отношения, о которых в последнее время Нельцев читал много повестей и романов, помещаемых в журналах, с тою только разницей для Нельцева, что герои тех повестей обыкновенно выходили правы, а крестьяне, как и резонно, оставались какой-то глупой сволочью, которые сами не знают, чего хотят; наш же герой считал себя самого кругом виноватым. Как нельзя лучше он понял, что в этом случае крестьяне были ум-

ней него: поняли сразу, с кем имеют дело, и вот всякий выжимает из него по своим силам» (Павлов, 1860. С. 369).

В некоторых случаях неудачи обусловлены не только тем, что молодой человек мало понимает крестьян, но и тем, что ему мешает «оппозиционная партия» во главе с отцом. В повести «Век нынешний и век минувший» старый помещик, недовольный нововведениями сына, начинает заниматься хозяйством так усердно, как никогда раньше. Он смеется вместе с управляющим над новыми порядками, пытается их изменить. Молодой человек начинает действовать назло отцу: отдавать приказы, которые ему самому кажутся дикими, и настаивать на их исполнении. В конце концов, герой признается, что новому поколению не удастся переустроить хозяйство, пока «не вымрут <...> старики с их понятиями» (Ладыженский, 1860. С. 336). Единственным выходом для себя он называет бегство.

Примечательно, что в ряде повестей отмечается преимущество старых принципов ведения хозяйства. Герой повести «Конец впереди», рассуждая о том, как жестоко поступил помещик с крестьянкой, укравшей из его сада яблоки, признается, что этот господин, которого «позволено назвать скотиной», «во сто раз и пригоднее и лучше для крестьянина», чем его демократически настроенные друзья с их «арсеналом»: он говорит с крестьянами на одном языке. К аналогичному заключению приходит герой повести «Сельцо Лысково», младший брат молодого человека, выигравшего тяжбу. По его замечанию, «...неграмотная старуха умела сделать счастливых, а образованный человек разорил!» (Хвощинская, 1859. С. 74).

Итак, мы установили, что в литературе отражен один из важных общественных процессов второй половины 1850-х гг. – ожидание «нового» человека, способного реализовать популярные, широко обсуждаемые демократические теории. Его образ создается от противного: писатели и литературные критики делают акцент на тех чертах, которые отличают его от людей прошлого – прадедов / дедов / отцов. Между тем задача переустройства общественного порядка оказывается не под силу герою 1850-х гг. Несмотря на подчеркнутое отличие от старых поколений, он все же остается их потомком. Выражая преданность демократическому делу, молодой человек, тем не менее, не отказывается от своих дворянских привилегий, в результате чего сгенерированные в русле злободневных идей сюжетные ходы становятся «тупиковыми».

Список литературы

- Боборыкин П. Д.** Алексей Потехин (к пятидесятилетию его писательства) // ИОРЯС АН. 1902. Т. 7, кн. 1. С. 17–38.
- Егоров Б. Ф.** Борьба эстетических идей в России середины XIX века (1848–1861). Л.: Искусство, 1982. 269 с.
- Жарова И. Ю.** Пушкинские реминисценции в повести С. Т. Славутинского «История моего деда» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64), ч. 2. С. 29–32.
- Панева (Головачева) А. Я.** Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1956. 508 с.
- Перевалова Е. В.** Журнал М. Н. Каткова «Русский вестник» в первые годы издания: 1856–1862. М.: МГПУ, 2010. 346 с.
- Пономарева А. А.** Литературные сюжетные коды в беллетристике 1850-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2017. 196 с.
- Проскурина Ю. М.** Русская художественная проза «пятидесятых годов» XIX века (развитие реализма в повествовательных жанрах): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Свердловск, 1984. 35 с.
- Проскурина Ю. М.** Русские беллетристики в литературной интеграции середины XIX века // Уральский филологический вестник. 2013. № 1. С. 167–172.

Список источников

- Добролюбов Н. А.** Деревенская жизнь помещика в старые годы. URL: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0520.shtml (дата обращения 08.08.2019).
- И. Л.** Старые годы. Повесть Андрея Печерского («Русский вестник», 1857 г. июль: книжка первая) // Библиотека для чтения. 1857. Т. 144. С. 19–34.
- Ладыженский С. А.** Век нынешний и век минувший // Русский вестник. 1860. Т. 26. С. 257–318, 336–379.
- Павлов Н. М.** Конец впереди // Русский вестник. 1860. Т. 30. С. 357–428.
- Печерский А.** (Мельников-Печерский П. И.) Старые годы // Русский вестник. 1856. Т. 10. С. 43–134.
- Салов И. А.** Забытая усадьба // Русский вестник. 1858. Т. 14. С. 132–146.
- Славутинский С. Т.** История моего деда. Отрывок из записок // Русский вестник. 1858. Т. 14. С. 65–112.
- Хвошинская С. Д.** Сельцо Лысково // Отечественные записки. 1859. Т. 124. С. 1–74.
- Эдельсон Е. Н.** Н. Щедрин и новейшая сатирическая литература // Утро. М.: [Б. и.], 1859. С. 351–366.

References

- Boborykin P. D.** Aleksey Potekhin (k pyatidesyatiletuyu ego pisatel'stva) [Aleksey Potekhin (For the Fiftieth Anniversary of His Literary Career)]. In: IORYaS AN. 1902, no. 7, pt. 1, p. 17–38. (in Russ.)
- Egorov B. F.** Bor'ba esteticheskikh idei v Rossii serediny XIX veka (1848–1861) [The Struggle of Aesthetic Ideas in Russia in the Middle of the 19th Century (1848–1861)]. Leningrad, 1982. 269 p. (in Russ.)
- Panaeva (Golovacheva) A. Ya.** Vospominaniya [Memory Lane]. Moscow, 1956, 508 p. (in Russ.)
- Perevalova E. V.** Zhurnal M. N. Katkova «Russkiy vestnik» v pervye gody izdaniya: 1856–1862 [Journal of M. N. Katkov *Russian Herald* in the First Years of Publication: 1856–1862]. Moscow, 2010, 346 p. (in Russ.)
- Ponomareva A. A.** Literaturnye syuzhetnye kody v belletristike 1850-kh godov [Literary Plot Codes in 1850s Fiction]. Cand. phil. diss. Novosibirsk, 2017. 196 p. (in Russ.)
- Proskurina Yu. M.** Russkaya khudozhestvennaya proza «pyatidesyatykh godov» XIX veka (razvitie realizma v povestvovatel'nykh zhanakh) [Russian Literary Prose of the “Fifties” of the 19th Century (Development of Realism in Narrative Genres)]. Cand. phil. sci. syn. diss. Sverdlovsk, 1984, 35 p. (in Russ.)
- Proskurina Yu. M.** Russkie belletristki v literaturnoy integratsii serediny XIX veka [Russian Women Writers in the Literary Integration of the Mid-Nineteenth Century]. *Ural'skiy filologicheskii vestnik* [*Ural Philological Herald*], 2013, no. 1, p. 167–172. (in Russ.)
- Zharova I. Yu.** Pushkinskie reministsentsii v povesti S. T. Slavutinskogo «Istoriya moego deda» [Pushkin's Reminiscences in the Novel *My Grandfather's Story* by S. T. Slavutinsky]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [*Philological Science. Theory and Practice Issues*]. 2016, no. 10 (64), pt. 2, p. 29–32. (in Russ.)

List of Sources

- Dobrolyubov N. A.** Derevenskaya zhizn' pomeshchika v starye gody [Village Life of a Landowner in the Old Days]. URL: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0520.shtml (accessed 08.08.2019). (in Russ.)
- Edelson E. N.** N. Shchedrin i noveishaya satiricheskaya literatura [N. Shchedrin and the Newest Satirical Literature]. In: *Utro* [The Morning]. Moscow, 1859, p. 351–366. (in Russ.)

- I. L.** Starye gody. Povest' Andreya Pecherskogo («Russkii vestnik», 1857 g. iyul': knizhka pervaya). *Biblioteka dlya chteniya* [*Library for Reading*], 1857, vol. 144, p. 19–34. (in Russ.)
- Khvoshchinskaya S. D.** Sel'tso Lyskovo [The Small Village Lyskovo]. *Otechestvennye zapiski* [*Domestic Notes*], 1859, vol. 124, p. 1–74. (in Russ.)
- Ladyzhenskiy S. A.** Vek nyneshnii i vek minuvshii [Present and Past Centuries]. *Russkii vestnik* [*Russian Herald*], 1860, vol. 26, p. 257–318, 336–379. (in Russ.)
- Pavlov N. M.** Konets vpered [The End Ahead]. *Russkii vestnik* [*Russian Herald*], 1860, vol. 30, p. 357–428. (in Russ.)
- Pecherskiy A.** (Mel'nikov-Pecherskiy P. I.) Starye gody [Old Years]. *Russkii vestnik* [*Russian Herald*], 1856, vol. 10, p. 43–134. (in Russ.)
- Salov I. A.** Zabytaya usad'ba [The Forgotten Manor]. *Russkii vestnik* [*Russian Herald*]. 1858, vol. 14, p. 132–146. (in Russ.)
- Slavutinskiy S. T.** Istoriya moego deda. Otryvok iz zapisok [My Grandfather's Story. Excerpt from Notes]. *Russkii vestnik* [*Russian Herald*], 1858, vol. 14, p. 65–112. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
09.08.2019

Сведения об авторе

Пономарева Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Новосибирское высшее военное командное училище (ул. Иванова, 49, Новосибирск, 630117, Россия); доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет (ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия)
anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru

Information about the Author

Anastasia A. Ponomareva, Candidate of Philology, Assistant Professor at the Chair of Russian Language, Novosibirsk Higher Military Command School (49 Ivanov Str., Novosibirsk, 630117, Russian Federation); Assistant Professor at the Chair of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methodic of Literature Teaching, Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation)
anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru